

Моя семья, мои друзья

Мария Гаврииловна Добролюбская-Фукс (30 мая 1913 г. – 11 мая 1998 г.) – кандидат химических наук, доцент Одесского инженерного-строительного института (1953-85 гг.).

Муж – Добролюбский Олег Константинович (1915-1987), профессор-химик, известный одесский книжный коллекционер. Вышла замуж в 1937 г., жила в семье профессора-историка Константина Павловича Добролюбского (1885-1953) до войны в доме на углу Бунина и Гарибальди, после войны и до смерти – по ул. Успенской, 7, кв. 5. Дочь – Добролюбская Ксения Олеговна (1943-1994), сын Добролюбский Андрей Олегович (род. 1949 г.) – профессор-историк.

Мой отец Гавриил Григорьевич Фукс. У него две биографии: действительная и подтасованная. И о той, и о другой я мало что знаю.

а). Фальшивая. Родился 10 августа 1872 года в г. Ровно. учился в Юрьевском университете (Тарту), после чего был присяжным поверенным в г. Киеве. Эти данные всегда фигурировали в анкетах.

б). Действительная. родился 10 августа 1880 г. в г. Бердичеве. Отец его Альтер Герш Фукс занимался каким-то мелким предпринимательством. Мой отец был в семье не то вторым, не то третьим ребенком. Его братья: Моисей, Самуил, Борис (отец Жени), был еще, кажется, Меир, но точно я не помню. Сестры: Нехамма, Фаня, Цецилия и Густа. Цилия стала в дальнейшем Сохор, мать Арика (впоследствии профессор, доктор искусствоведения Арнольд Наумович Сохор (1924-1977)). Густа (Ардашниковна), Фаня (Мах), мать Яши Маха, моего ровесника.

Они жили в Проскурове, потом в Одессе на Отрадной. Фаня и младший сын Миша погибли в Одессе в 1941-42 гг. Яша Мах закончил химфак в университете, работал в военно-химической академии. Умер он в 1954 г., и его жена Гитя Краснова и две ее дочери уехали в Израиль.

Где папа занимался, я не знаю, но в начале XX века он имел уже юридическую контору в Киеве по железнодорожным претензиям и был уже довольно богатым человеком, помогал своим братьям. Моисей, насколько я помню, жил с семьей на Кузнечной улице в Киеве, не очень богато. Самуил жил на Большой Васильковской (Красноармейской), у него была красивая жена Берта и двое детей: Мэри и Мирон, они были чуть старше меня, и мы дружили. Чем занимался Самуил, я не помню, но папа помог ему получить образование, и он был состоятельным человеком. Во время революции они эмигрировали, и Мирон стал, по слухам, в Америке известным шахматистом. Борис учился в Германии, закончил какой-то инженерный институт в Миттвайде, потом жил в Москве, во время нэпа весьма преуспел, но потом стал рядовым инженером. Женя и Ира – его дети от первой жены Софьи Борисовны, которая в 1934 г. погибла, попав под поезд.

Циля каким-то образом оказалась в Ленинкане, где вышла замуж за Наума Соломоновича Сохора – врача, Арик родился там же. Потом они жили в Ленинграде.

Густа была замужем за журналистом Ардашниковым, попала вместе с ним в Германию, находилась в Данциге (тогда немецком порте, после он стал польским). Ардашников умер там, а она добилась возвращения в СССР, по очереди попыталась жить у всех родственников (и у нас), но была всеми отвергнута и поселилась у Циля, которая ее призрела, несмотря на протесты своего мужа. Ей пришлось зарабатывать, преподавая английский язык.

Моя мать Рахиль Давидовна Удалевская родилась в г. Балте 2 октября 1882 г. в большой многодетной семье. В раннем детстве лишилась родителей. У нее были сестры: Ревекка, Фаня, Клара, Цецилия (Чука). Все дочери были очень красивые. Были и братья: Соломон, Самуил, Лазарь и Исаак (моло-

Мария Гавриловна Добролюбская, Олег Константинович, Ксана и Андрей

же мамы, она была самая младшая девочка). Воспитывались мама и Исаак у тети Клары, в замужестве Котляр, она была лет на двадцать старше мамы.

Ревекка, в замужестве Берщанская, жила в Одессе, рано овдовела и всю жизнь нуждалась. Дочь ее Лиза – Елизавета Давидовна – была очень красивой, но не особенно удачливой: у нее было три мужа, и все они, недолго прожив с ней, умирали, а потом на ней уже боялись жениться. От первого мужа, Комаровского, у нее была дочь Берта (Беба) и сын Марк (Митя), от второго мужа был сын Давид (Видя), который погиб на войне. Третьим мужем ее был отец знаменитой в 20-е гг. опереточной актрисы Клавды Новиковой, он тоже умер, оставив ей сына Шуру. Фаня вышла замуж за Якова Попика, вдовца, жившего в Николаевке-2. У него была дочь Соня от первой жены, и совместно они породили: Давидку, Бетю, Лелю, Клару и Анюту. Чука вышла замуж за Аккермана, уехала в Швейцарию и жила в Цюрихе. Ее дети Берта и Аннали – богатые люди.

Клара впоследствии переехала в Одессу, где ее муж Лейзер Моисеевич Котляр (толстый благообразный блондин) стал владельцем гостиниц: «Виктория» – ныне общежитие университета на Пастера угол Преображенской, а во время нэпа – «Большой Московской» на Дерибасовской. У них еще был дом на Большой Арнаутской, не знаю какой. Во время оккупации тетя Клара ходила к губернатору Одессы, чтобы дом вернуть, так как после революции у них все отобрали, ее муж умер, и она жила с нами. В конце 1941 г. была угнана и погибла.

Старший брат Соломон с начала века оказался в Польше, имел в Лодзи свою фабрику и был довольно богат. Не знаю, был ли он женат, но потом жил один, и детей у него не было.

Лазарь жил тоже в Польше, был женат на польской еврейке Анке, у них был сын Тадек (Тадеуш), мой ровесник. Во время революции они оказались в Одессе и жили в гостинице «Виктория». В 1922 г. они эшелонам уехали обратно в Лодзь, где вначале жили очень скромно, но потом Соломон умер и завещал им свое состояние. Они были очень довольны. В 1939 г. они попали в Лодзинское гетто, где Лазарь умер, а Анка и Тадек писали нам оттуда страшные письма по-немецки. Тадек подписывался «Давид» (не разрешали зваться Тадеушем). Мы даже послали им несколько продуктовых посылок, потом они, видимо, там погибли.

Самуил был человеком со странностями, не был никогда женат, и не помню, чтобы за кем-то ухаживал, хотя внешне был недурен собой. Не знаю, чем он занимался смолоду, но был мастером (плохим) на все руки. Еще в Киеве до моего рождения он жил в нашей семье, по сути, приживалом. После нашего отъезда из Киева приехал к нам в Одессу, сообщив, что наша квартира сгорела и все в ней пропало. Жил с нами, в конце концов стал работать в водном институте каким-то мастером. Погиб вместе с тетей Кларой в 1941 г.

Самый младший мамин брат – Исаак. Помню его после переезда в Одессу, куда он приехал после нас. Что он делал до этого – не знаю. Внешне был очень интересным мужчиной. Жил на ул. К. Маркса, 18, в доме, где служил управдомом. Еще что-то делал у дяди Лейзера (мужа тети Клары) в гостинице

«Большая Московская». Много внимания уделял мне, часто брал с собой на прогулки. Тогда он ухаживал за Евгенией Ивановной Кориневской (урожденной Панаиотаки, теткой Оли Ахназарян-Кремляковой). Она была мелкой актрисой в труппе, которая выступала в клубах, помню спектакль «На бойком месте» по Островскому с ее участием. Потом он на ней женился, наша родня была сначала страшно против, но потом смирилась и даже подружилась с ее родней: Панаиотаки Ксенией Евстафьевной и ее матерью, а я стала подругой ее племянницы Аллы, с которой познакомилась еще до этого в библиотеке. Она была старше меня года на четыре и, когда подросла, бросила меня для взрослой жизни, что меня очень травмировало. У Аллы была роскошная коса до пояса, эту косу ей срезали какие-то хулиганы во время всенощной в кафедральном соборе.

У Исаака и Жени в 1925 году родился сын Игорь. У Жени была обширная родня, в том числе тетка, бывшая замужем за бывшим морским капитаном по фамилии Динней. У них был свой домик в Отраде на Уютной улице, 5. Они называли Исаака «Исай», чтобы звучало по-православному. Когда я выросла и вышла замуж, мы несколько от них отделились. Во время оккупации Женя боялась за судьбу Игоря и уговорила Исаака пойти зарегистрироваться в комендатуру, отвела его туда, после чего он исчез. После войны мы с ней и Игорем виделись, но отношения были прохладными. Игорь уехал в г. Корсаков на Южных Курилах, где обосновался и женился. Женя вскоре переехала к нему, с одесскими родственниками встречаться перестала, и я о них более ничего не знаю.

В 1904 г. мой отец узнал от своего знакомого, что в Балте живет очень красивая девушка. Этот знакомый очень хотел на ней жениться, но ее звали так же, как его мать, Рахиль, а у евреев это не разрешается. Папа поехал в Балту, с первого взгляда влюбился в эту девушку и посватался. Моей маме был тогда 21 год, и она действительно была замечательно хороша собой. Но в ответ она показала ему язык, что его окончательно добило. Он написал ей одиннадцать любовных писем, у него был прекрасный почерк – мелкий, бисерный, и этим, видимо, он ее покорила. 15 (2) мая

1904 г. они сыграли свадьбу, после чего поехали в свадебное путешествие в Европу.

Они поселились в Киеве, где у папы уже тогда была юридическая контора по железнодорожным претензиям, он был уже присяжным поверенным и богатым человеком. Через год, 28 (15) февраля, у них родилась дочь, которую папа по просьбе своего приятеля назвал Бальбиной в честь его жены, польки Бальбины Марковны Чапник. Так появилась на свет Биночка. Семья жила богато, каждый год ездили за границу, бывали во многих странах. В 1913 г. родилась я. У моих родителей еще до этого родилась мертвая девочка (ее должны были звать Леля), так что фактически я являюсь третьим ребенком в семье, что обычно определяет некоторую гениальность (Менделеев был третьим ребенком).

Жили мы тогда на Караваевской улице (Толстого), 11, в квартире 25, в одном из лучших домов Киева – семиэтажном доме Мороза, на первом этаже, в очень большой квартире, по-видимому, роскошной. Там были два балкона: один обычный, выходивший на Караваевскую, другой – огромная терраса с прекрасным пейзажем (я такую видела только в Париже, в Сен-Луи, в апартаментах одной богатой дамы). Терраса примыкала к детской комнате, рядом была комната Биночки. Была еще столовая (дубовая мебель, муляжные натюрморты), гостиная (белая мебель с зеленой обивкой, рояль), спальня (мебель светлого дерева «птичий глаз»), папин кабинет (мебель с кожаной обивкой) – в нем было много шкафов с книгами, мне запомнились корешки переплетов Фенимора Купера – я думала, что это такое название. В квартире было две уборные: темная («дядя Фриц» – для челяди) и светлая («тетка Агафья»), а также всякие комнатки и закоулки. На антресолях жил мой дядя Самуил. Еще в доме жили кухарка, горничная и моя няня Сима, которую я страшно любила. Она со мной разговаривала по-украински, видимо, поэтому я его хорошо знаю (помню, как-то мы были где-то в гостях, потом искали мои галоши, она мне говорит: «Ось вони», – а я ей отвечаю: «Ну, це не мої – мені треба «Х» (Хвукс), а тут «Ф»).

Вход в дом был через большой вестибюль, где восседал шикарный швейцар, лестница была покрыта коврами дорожка-

ми. Было два лифта: для господ и для слуг. На нашем же этаже жила семья Зусман, где две девочки – Дора и Нелли – занимались в одной гимназии (Жекулиной на Львовской улице) с Биночкой. Каждое утро экипаж отвозил их в гимназию. Биночка еще дружила с дочерью сахарозаводчика Бродского Верой, а ее брат Миша, чуть моложе ее, был очень внимателен ко мне, я его очень любила. Он умер от скарлатины, и для меня это было первое запомнившееся мне горе.

Обрывочные воспоминания детства. Помню, еще я совсем маленькая – мы жили на даче в Дарнице, ездили туда поездом, и у меня был коклюш, взрослые от меня заразились и как-то раз все так раскашлялись, что не успели сесть в поезд. Ясно помню, как ходили с няней на опушку леса, собирали землянику в корзиночку, и с нами была черная маленькая собачка Биска.

Дом у нас был открытый, часто бывали гости, иногда именитые. Так в гостиной, где стоял рояль Бехштейна, устраивали концерты, как-то у нас играл Владимир Горовиц, знаменитый в ту пору пианист.

Мы с няней Симой ходили гулять в Николаевский сквер, находившийся напротив нашего дома. Помню, уже во время войны там стоял бедный инвалид в офицерском мундире и фуражке. Сима его пожалела и дала мне копеечку, которую я ему подала, а он, бедный, обиделся и отказался.

А по улицам маршировали солдаты и распевали:

Соловей, соловей, пташечка,
Канареечка жалобно поет...

Ходили мы еще гулять с Симой, а позже с приходившей ко мне француженкой мадам Dinnet в Ботанический сад университета, красные здания которого находились в самом саду.

Жизнь с войной и революцией становилась все труднее, постепенно и наше благосостояние прекратилось, не стало прислуги.

Раньше, бывало, мама каждый раз возила меня на извозчике в Купеческий сад, где было много развлечений, и мы ели мороженое. Потом заезжали в кондитерскую Семадени. Помню, еще

мы ездили в Одессу в гости к тете Кларе, запомнилось катание на извозчике по деревянной мостовой (около археологического музея) – совершенно бесшумное.

Потом у нас реквизировали комнату – гостиную. В ней поселилась супружеская пара чекистов. Ее звали Татьяной Сергеевной, видимо, она была порядочной хамкой, но меня обожала: брала к себе, целовала, водила (уже пешком) в Купеческий сад, угощала. В свое время мы что-то спрятали, приклеив это к потолку гостиной, и, когда там жили чекисты, это вдруг стало обвисать. Тогда Самуил спровоцировал мой уход с Татьяной Сергеевной и, воспользовавшись ее отсутствием, ликвидировал опасность.

Потом началась смена властей, достаточно частая. Киев все время обстреливали, бомбили. Мы прятались в подвале дома, там раньше находились бильярдные залы. Как-то раз туда влетел снаряд: погас свет, что-то обвалилось, загорелось. Меня вытащили из-под обломков за штанишки, до сих пор помню ощущение, как они вдавились в меня. У мамы, когда ей меня вручили, была истерика.

Когда город занимали петлюровцы или махновцы, проводились еврейские погромы, у меня до сих пор в ушах стоит отдаленный вой и крик. Нас долгое время не трогали, а потом помню, как мы бежали по лестнице с пятого этажа на седьмой, а за нами гнались какие-то люди с обнаженными шашками и нагайками. На седьмом этаже жила немецкая семья по фамилии Лусс, они нам дали убежище и не пустили погромщиков в квартиру.

После очередного занятия Киева большевиками, уже, очевидно, последнего, мой папа, как я сейчас понимаю, решил с ними сотрудничать. В доме стали появляться какие-то полувоеенные люди, возможно, чекисты, и папа и его товарищ по фамилии Витес для них что-то делали. В дальнейшем они даже взяли себе новые фамилии: Витес стал Райским (так как у него была жена Рая), а папа – Раздольным, и мы даже некоторое время именовались семьей Раздольных. Кажется, именно под этой фамилией мы в 1920 г. и уехали в Одессу. Вообще-то, мы собирались за границу, в Швейцарию, но мама обязательно

хотела повидаться со своей сестрой Кларой. В апреле 1920 г. мы погрузились в теплушку и в ней ехали в Одессу несколько дней. С нами в вагоне были какие-то чекисты, один из которых, Витя, мне очень запомнился, так как всю дорогу меня чего-то развлекал.

В Одессу прибыли мы отнюдь без шика и поселились на углу Пастера и Преображенской в гостинице «Виктория», принадлежавшей мужу моей тетки Клары. В «Виктории» жил также мой дядя Лазарь, приехавший из Польши с женой Анной и сыном Тадеком, моим ровесником, с которым мы быстро подружились и вместе проводили время. Была еще моя взрослая кузина Бетя Попик из Николаевки-2, студентка мединститута. Это была очень интересная девушка, но через год она умерла от сыпного тифа. Я не помню подробностей нашей жизни в гостинице, также не помню, поселились ли мы на Преображенской, 17, напротив университета, до или после нашего отъезда в Волочиск, куда мы уехали не то в конце 1920, не то в 1921 г. вместе с дядей Самуилом, привезшем нам известие о том, что в Киеве наша квартира со всем имуществом сгорела. В Волочиск мы добирались долго, со всякими остановками по дороге. Застряли на некоторое время в Проскурове (ныне Хмельницкий), где жила папина сестра Фаня Мах с семьей. Волочиск был пограничным пунктом, мы намеревались нелегально перебраться в Польшу, а оттуда уже в Швейцарию. Мы пробыли в Волочиске пару месяцев, а потом нам было отказано в помощи при переходе границы, и мы возвратились в Одессу. И вот, не помню уж точно, тогда ли мы поселились на Преображенской, 17, а потом приобрели квартиру на Подбельского, 30, или же опять жили в гостинице, а потом переехали, но в 1922 г. мы уже жили в большой квартире из семи комнат, которую купили вместе с мебелью и утварью у поляков (Щепковские), уехавших в Польшу (на память о них у нас до сих пор остались книжный шкаф и аптечка). Вместе с квартирой нам досталась и квартирантка Александра Васильевна Булатович, портниха, с которой у нас многие годы были дружеские отношения. Мы ходили вместе в Бродскую синагогу.

В 1922 г. Биночка стала работать в ARA (American Relief Administration), где требовалось знание английского, поэтому там устроились дети из интеллигентных семей: юноши – грузчиками,

а девушки – на выдаче посылок. Принцип был тот же, что и сейчас: в Америке давали деньги, а здесь выдавали ящик – стандартную американскую посылку. Там Биночка познакомилась с очень интересными людьми, которые образовали весьма приятное общество. Помню веселые вечеринки, на которые меня иногда допускали. В школу меня не определяли, надеялись, что еще власть переменится. Приходила домой учительница по разным предметам и по французскому языку. Биночка еще занималась музыкой, по несколько часов в день она играла на рояле, а так как наша квартира была в глубине двора, то весь дом ее проклинал. Она также брала уроки итальянского у преподавателя сеньора Верди, а потом сама давала эти уроки, беря за урок бóльшую сумму, чем сеньор Верди. Жилось нам вначале, видимо, неплохо, но потом что-то у папы не ладилось с работой, и нам пришлось брать квартирантов: сдавали две комнаты.

Помню, я тогда подружилась с девочкой-сиротой, родственницей наших хозяек с Преображенской, Лизой Георгопуло. Ее пристроили домработницей к моей тете, но с тем чтобы она училась, и к ней относились не как к прислуге. Она меня очень любила, так как я сочиняла «кинокартины», всякие истории, где героинями были блондинки с «холодными» серыми глазами, и, когда потом она перестала жить у моей тети, она очень тосковала по мне. Мы с ней довольно долго дружили. Жизнь у нее получилась довольно интересная: она стала судовым радистом, подружилась с мужеподобной девушкой Галиной Градской, которая потом стала капитаном дальнего плавания. Обе они одевались по-мужски (только в юбках) и пережили немало приключений: были в плену в Испании. Рядом с Лизой я казалась себе легкомысленной финтифлюшкой, и мы разлучились. После войны мы встретились, у нее оказалась такая дочка, как Ксана (моя дочка такого же возраста), мужа у нее не было, она воспитывала дочку вместе с Галиной Градской, которая была ей чем-то вроде отца. Они обе изменили специальность и стали логопедами. Одно время я к ним водила Ксану, да, кажется, и Андрюшу (своего сына), но толку не вышло.

Очень дружила я с моей соседкой Марусей Вержбицкой, но когда арестовали папу, она от меня отвернулась, и наша дружба

кончилась. Это было первое предательство в моей жизни. Живя на Коблевской, я уже стала большой и ходила в библиотеку на ул. Петра Великого, 30, – библиотеку Торчинской. Там я прочитала много книг, в том числе книги популярной тогда детской писательницы Чарской, благодаря которой я, может быть, однобоко, но познакомилась с русской историей. А историю французскую изучала по романам Дюма. Там я подружилась с Аллой Панаиотаки, о которой уже говорилось.

В нашем доме на Коблевской (Подбельского), 30, жили грузины: доктор Гегелашвили – хирург, и какой-то очень видный общественный деятель. Его застрелил какой-то революционер, видимо, террорист, неизвестно почему. Там же жил его родственник – Пармен Караманович Даташидзе, которого называли Кукуля. Это был очень интересный мужчина. Так вот, он влюбился в Биночку и, чтобы с ней познакомиться, стал брать у нее уроки французского языка.

Биночка занималась музыкой у профессора консерватории Ковалева, который был женат на французенке Лидии. Биночка с ней очень подружилась. У Лидии были две сестры – Louise и Mimi. Сначала я занималась французским языком с Louise. У нее был сын Андре, которого называли Деде. Потом она вышла замуж за человека по фамилии Танский, и они куда-то уехали. А я стала заниматься с Mimi. Она тоже вскоре уехала в Москву, где вышла замуж за еврея, а меня передала своей знакомой, уже пожилой M-lle Гурсо. С ней я занималась несколько лет. У нее занималась также Женя Дробинская – дочка известного врача-венеролога. Они жили за углом на улице Петра Великого (тогда Коминтерна). У Жени в детстве были весьма хулиганские наклонности, поэтому мы с ней нашли общий язык, но предводительствовала она. Она придумала поджидать M-lle Гурсо в парадной и кричать: «Кошелек или жизнь!». Умерла Женя в 1994 г.

В 1923 или 1924 году АРА прекратило свою деятельность, Биночка осталась без работы и найти ее в Одессе не могла. Тогда в Одессе (и еще несколько лет после) была огромная безработица. Безработных брали на учет и посылали на общественные работы – это была уборка улиц, помещений, землекопами и пр., а кто не соглашался – снимали с учета.

Сначала Биночка пыталась уехать одна за границу, но не получилось, и когда Ковалевы решили уехать в Москву, она к ним присоединилась, и осенью 1924 г. они уехали. Поселилась она в семье папиного брата Буи (Бориса Григорьевича) – отца Жени (тому было тогда 1,5 года), прожила там несколько месяцев, а потом перешла жить к Мими на улицу Владимира Долгорукого (сейчас она Качалова). Устроилась работать в ВОКСе (отдел культурной связи с заграницей) – иностранной корреспонденткой. Там она познакомилась слевой Сальманом и в 1926 г. вышла за него замуж. Он был очень приятный молодой человек, высокий и с хорошей внешностью. К сожалению, через несколько месяцев после их женитьбы она заболела острым воспалением почек, это тяжелая длительная болезнь, и ее забрали в Одессу, где она провела девять месяцев в постели, разлученная с молодым любимым мужем. Летом 1927 г. она со мной поселилась на даче в районе монастыря за 16 ст. Большого Фонтана по Люстдорфской дороге, потом к нам приехал Лева. Помню, как мы ходили обедать на 16 станцию по дороге на Золотой Берег – там была домашняя столовая Мотыкайтеса. Кормили там удивительно вкусно и дешево, разнообразие блюд было очень большим, до сих пор помню. На 16-й станции было вообще несколько мест, где вкусно кормили: мороженым в павильоне Мелиссарато, удивительно вкусные сиропы к газированной воде и т. д. (Бальбина Сальман уехала во Францию в 1926 г., умерла в Париже в 1972 г. Ее сын Мишель Сальман (1931 г. рожд.) – владелец нескольких отелей в Париже, внучка Вероника (1963 г. рожд.) – историк-искусствовед.)

На даче нашими соседями была семья Шполянских. Отец Леопольд Давидович незадолго до этого освобожден из тюрьмы, где сидел «за вредительство». За это была арестована большая группа инженеров. Он был после этого очень болен, стал инвалидом. У них было две дочери – Аня и Лина. С Аней я потом всегда дружила, только в последние годы мы перестали общаться. Ее родители погибли на теплоходе «Ленин», который был торпедирован, когда мы эвакуировались из Одессы. Одновременно ушли три теплохода: «Ленин», «Ворошилов» и «Кубань». Мы были на «Кубани».

В 1925 г. Биночка, еще не будучи замужем, приехала в Одес-су в отпуск и настояла, чтобы меня отдали в школу (а то все наши ждали перемен). Был уже сентябрь, учебный год начался, поэтому меня пришлось отдать в самокупаемую школу № 49 во дворе костела на Екатерининской. Туда меня устроил Петр Евгеньевич Ершов (в дальнейшем профессор университета), преподававший там русский язык. Вообще, там был превосходный подбор преподавателей. За учебу в этой школе нужно было платить, поэтому основной контингент был из обеспеченных семей. Поступила я в пятый класс. В первые же дни я отличилась тем, что передралась со всеми мальчишками, некоторым из них разорвала рубашки. Дело в том, что у нас в семье я считалась очень некрасивой. Поскольку мама и Биночка были просто красавицы, то говорили: «Из одного дерева и крест, и лопата». Поэтому всякие знаки внимания со стороны мальчиков я воспринимала как издевательство и была их нещадно. Я сразу же приобрела репутацию монстра, и называли меня «Фукс Мария», так как в нашем классе был еще Изя Шраго-Фукс. Подружилась я сразу со своей тезкой Мурой Мартенс. Это была довольно злостная хулиганка. Это от нее пошли выражения: «красавица неописьянная», «Мария Говниловна» и пр. Все это не мешало ей быть начитанной и развитой девочкой, а выросши, она стала просто очаровательна. Только пошла она по дурной дорожке, и после школы я потеряла ее из виду.

Наряду с нею я еще подружилась с хорошими девочками: Ньюсей Мендельсон (я с ней и сейчас беседую по телефону), Маней Вайнштейн и Софой Осятинской. В шестом классе у нас появилась Лена Поплавская (мать Вити Мороховского), и мы пятеро уже дружили всю оставшуюся жизнь. Мои подруги занимались очень хорошо, а я – отвратительно. У меня были почти все плохие оценки, только русские сочинения я писала лучше всех.

Еще до поступления в школу, да и потом в первое время я ходила с дядей Самуилом гулять. Сам он не работал, был вообще человек со странностями, хотя и совсем недурен собой, одевался кое-как и вообще был некоторой разновидностью Плюшкина. Он умел делать абсолютно все, только большей частью топорно и грубо. Во мне он души не чаял и развлекал,

как мог. Мы с ним ходили купаться в море на Пересыпь. Там в районе электростанции были в море вбиты сваи – там мы и купались, он научил меня плавать, мы ловили бычков. Так продолжалось несколько лет.

Около электростанции был небольшой пляж. Со станции спустили в море горячую воду, и на этом пляже было всегда много народа, там организовали самодеятельную водолечебницу. Туда приходили те, кому были недоступны горячие морские ванны, приносили с собой взятую на Куяльницком лимане грязь, намазывались ею, а потом купались в теплой морской воде. Это самолечение так и называлось, «на горячей», и существовало много лет, даже после войны.

К тому же, так как стиральных порошков еще не было, то люди носили к морю всякие вещи: зимнюю одежду, ковры и пр., чтобы постирать в море. Этот обычай существовал еще и в 60-е годы.

В школе с новыми подругами я постепенно отошла от дяди, у меня появились другие развлечения. С Биночкой, а потом с подругами мы ходили на «австрийский» пляж, расположенный в районе таможни. На этот пляж переправлялись на лодках, это был даже такой промысел. Потом портовики перестали туда пускать.

В районе нынешнего морвокзала существовал яхт-клуб. Туда я ходила с Женей Дробинской. В первый раз, когда мы туда пришли, она прыгнула с вышки, а я за ней, и преобильно ударилась животом. Потом мы поплыли к волнорезу (брекватеру) – метров четыреста, я еще никогда не плавала на такие расстояния, и под конец к волнорезу она меня уже тащила на себе, ругаясь, что я ее не предупредила. Но ничего, я отдышалась и обратно поплыла медленно, отдыхая на спине, и все обошлось – научилась.

Записано в январе 1998 года

Публикация Андрея Добролюбского

